

Л. Л. Федорова
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
lfvouix@yandex.ru

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПО ИТОГАМ КОНКУРСА «ГОСПОДИН ВЕТЕР»

Тексты альманаха «Ветер в ивах» (2021), собранные по итогам литературного конкурса X Всероссийского фестиваля авторской песни, поэзии и прозы малых форм «Господин Ветер», представляют эксперименты на поле смыслов и форм, порожденные реальностью сегодняшнего дня. Один из разделов альманаха «Дыр бул щыл» непосредственно связан с поэтическим языком.

Остановимся на двух прозаических текстах: «С_частье» А. Кравец и «Вихирбара и снурсен» Л. Григоряна. Первый текст показывает возможности языковой игры с внутренней формой одного слова; второй – опыт поэтического языка, вовлекающий в игру множество языковых элементов на всех уровнях. Оба они при этом чрезвычайно созвучны моменту. Первый текст – это манифест нового сообщества, утверждающий новую форму порабощения, второй – это сказка-феерия, показывающая путь освобождения.

Разъятие слова «счастье» повторяет его этимологическую реконструкцию, но и открывает новые смыслы технологической реальности.

Текст построен как техническая инструкция системного программиста для пользователя устройства «_частье» и в то же время как декларация принципов нового сообщества, заключающая в себе кодекс корпоративной этики.

1.1. Часть_общее. У каждого в кармане _частье. У тебя, у меня, у них. Мы распространяем осколочность собственного бытия с помощью _частья с доступом к целому. Каждый носит с_частье. Каждый сам _частье человечества и всего, что к нему прилагается.

Второй раздел – «Сущие во частех: заповеди», это аналог ветхозаветных десяти заповедей:

1. Существоуй во частех, и будет с тобой системная благодать. 2. Поведай системе о сокровенном, и она ответит системностью сетевого отклика. 3. Не снимай системной повязки с глаз своих, и будет тебе с_частье. <...> 7. Нерассчитанность есть ад твой, тогда как рай манифестируется в каждом клике и лайке. 8. С_частье – единственная лицензионная форма жизни...

Угрозу системе представляют «суверены», им посвящен третий раздел; это «вырастившие независимую систему внутри себя», «неизученные труднопознаваемые человеческие единицы / вирусы / прочие системные угрозы».

Этот текст – восхваление «осчастливленной» жизни внутри всеохватной системы – перекликается с антиутопиями Оруэлла и Замятина. Он демонстрирует захватившую человечество зависимость и порабощенность

компьютерным способом существования. «_Частье» обеспечивает персонализацию, взаимодействие, активность: *_частье в кармане любит постоянный отклик. Вообще-то ему нужен активный гражданин, который в случае дискомфорта существования выполнит свой гражданский долг – донесет на действительность.*

Текст четко выстроен в стилистике программного документа; особый словообразовательный прием – игра на производных: *с_частье, _частье, у_частье, при_частные, не_частливые, не_частны*; они вполне прозрачны по смыслу и не требуют размышлений при интерпретации.

Иначе устроен текст «Вихирбара и снурсен» Л. Григоряна. Это сказка, написанная особенным языком, в котором воскрешаются приемы словотворчества Хлебникова и Платонова и используются собственные неожиданные ходы. В нем мы погружаемся в облако смыслов, которые возникают из звуковых ассоциаций, требующих осознания и интерпретации. В тексте из 750 графических слов спелл-чекером подчеркнуты 212 как несуществующие в языке, причем не все распознаны как таковые, если учесть омонимию форм.

Сюжет сказки вырисовывается достаточно ясно.

В зимнюю стужу старой *вихирбаре* грезится сквозь сон ее *снурсен*, он идет к ней в метель, *наперечь оргле*. *Оргла* – злая сила, поглощающая всё живое; когда-то в «осенний год» она поглотила их маленькую веселую *кюнхен*. И вот в явь *снурсен* врывается в убежище *вихирбары* и приносит с собой ростки *фламинелий*. И среди них появляется *кюнхен*, живая, победившая *орглу*, объявившая, что *оргла* – это *мавь*, ее нет, есть только страх *мави*. И они трое вместе выходят наружу, видят над собой *вельное* небо, они – одно целое, а *оргла* в смятении пытается обрести себя, теряя свою силу.

Язык сказки изобилует новыми словами; в него вплетаются созвучья иных языков: скандинавский след в имени *снурсен*, германский – в *кюнхен*; романский – в *армантьеры* и *фламинелии*, зато имя *вихирбара* воспринимается как свое, вызывая ассоциации с чем-то барственным, лохматым, дремотно тучным – *кошара, капибара, тары-бары*. В *мавь* можно заметить переключку со славянским фольклорным *навь*, наваждение, нечто вызывающее страх.

Среди приемов создания новых слов – «скорнение» (по Хлебникову) неожиданных морфем, смысл которых рождается из ассоциаций:

оргла – орда, мгла? *лостья* – хлопья, листья, пласты? (*Лостья снега били ему в лицо, залепляли глаза, моростили усы*), *моростили* – морозили, мостили, моросили – покрывали изморозью? *склянь* – слякоть, стекло? – метафора застывшего снежного наста (*Он бредет ... расступая знобкую склянь*), *терценда* – *терция, секунда* – новая единица времени, третье членение часа, доля секунды, миг.

Другой прием словотворчества напоминает идею «внутреннего склонения» у Хлебникова: новые слова складываются из известных корней в ином грамматическом оформлении:

ИндеVELO запорожь; снурсен был уже на спорожье; за терновой излесью; окружь лепестков ластовейника; лапы его вязко топли в сугробах;

оргла **разъялась**; миллионами острых **сверцалистых** игл. Словоформы кажутся порой вывернутыми наизнанку, но значения выступают вполне ясно.

Широко использованы аллитерации: *смеялась свирельчатой сенью весны, орось слёз.*

Образность языка оставляет ощущение открытия неизвестного славянского наречия, смутно понятного, но до конца не переводимого. Но смысл целого кажется до боли узнаваемым. Текст прочитывается как портрет сегодняшнего дня.

Новые примеры поэтического словотворчества показывают возможности экспрессивной речи на всех языковых уровнях, языковую игру, которая возникает на кончике пера, обогащая поэтический язык.